

УДК 001**Роль языка в формировании европейских национальных идентичностей****Аршин Константин Валерьевич**

Кандидат философских наук, докторант,
Институт философии Российской академии наук,
109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1;
e-mail: kost-10@yandex.ru

Аннотация

В статье поднимаются вопросы формирования языковой идентичности и культурных конструкций, а также исследуется как восприятие языка может изменяться под влиянием исторических и культурных факторов. Автор подчеркивает, что, невзирая на многоязычие, определенные языки получают статус символов нации, что имеет научное значение для исследований в области социолингвистики и культурологии. Наиболее важными моментами являются идейные контрасты между восприятием мыслителями европейских языков, а также исторический контекст, который формирует современное отношение к языковым идентичностям в Европе.

Для цитирования в научных исследованиях

Аршин К.В. Роль языка в формировании европейских национальных идентичностей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Том 14. № 6А. С. 68-75.

Ключевые слова

Язык, нация, идентичность, Европа, Германия, Франция.

Введение

В книге «The Identity of Nations» канадская исследовательница феномена национального сознания Монтсерат Губерно выделила следующие составные части стратегии, которую реализовывали государства с целью привития основной массе населения единой национальной идентичности:

- Конструирование и распространение определенного образа «нации», который часто базировался на основе культуры господствующей национальной или этнической группы, жившей в рамках государственных границ и характеризующейся общей историей, культурой и определенной территорией проживания.
- Создание и распространение ряда символов и ритуалов, с целью усиления чувства единства граждан;
- Разработка понятия гражданства, что включало в себя определенные и понятные основной массе населения гражданские права, политические права и обязанности, а также социально-экономические права. Распространение представлений о правах среди основной массы населения порождало в народе чувство лояльности по отношению к государству. Также обладание правами формировало сообщества тех, кто включен в состав граждан, и тех, кто исключен из него, то есть проводились границы «между теми, кто обладал определенными правами и теми, кто был их лишен в рамках государственных границ» [Guibernau, 2008, с. 25].
- Создание образа общего врага. Войны, которые вели государства Нового времени, доказали важную роль, которую для формирования чувства единства среди граждан играла внешняя угроза, вне зависимости от того, была ли она действительной, потенциальной или только изобретенной.
- Формирование и использование единой системы национального образования и медиакommunikации для распространения «образа нации», тех символов и ритуалов, принципов и традиций, того образа жизни, представлений о вражеской угрозе и образе «хорошего гражданина», который этот образ подразумевал [Guibernau, 2008, с. 25].

Однако осуществление указанной стратегии на практике требовало существования предварительных условий, без которых ее реализация оказалась бы невозможной. Как отмечала отечественный исследователь О.И. Заиченко: «Формирование национального сознания опирается не только на исторические мифы и разного рода мыслительные конструкции интеллектуалов, но и на процессы фактической интеграции в социально-экономической, политической и культурной сферах» [Guibernau, 2008, с. 25].

Одним из первых предварительных условий являлся общий язык, на котором могли бы общаться члены единого сообщества. Один из теоретиков исследований национализма Карл Дойч в своей книге «Nationalism and Social Communication», определял нацию как «сообщество социальной коммуникации» [Deutsch, 1953, IV], а национализм как «способность осуществлять коммуникацию с определенными людьми более эффективно, чем с другими людьми» [Lawrence, 2005, с. 136]. Конечно, само по себе существование единого языка не являлось достаточным условием для национальной мобилизации, которая в итоге вела к формированию нации. Ведь как указывал тот же К. Дойч, в периоды, которые он называл «феодальными» (т.е. периоды когда наблюдался локализм и рассредоточенность экономики (основу которой составляло сельское хозяйство) и политической власти (выразителем которой выступали феодалы и чиновничество), что в итоге вело к формированию резких различий между элитой и

основной массой населения) среди элиты могло существовать некое представление о едином «универсальном» государстве, поддерживаемое специальными институтами. Но само по себе это представление не вело к появлению нации, поскольку наблюдался своего рода «слоеный пирог» (термин К. Дойча), предполагавший отсутствие влияния общей культуры на жизнь основной массы населения. Но «даже там, где ее [общей культуры – К.А.] влияние было сильным и с течением веков привело к культурной ассимиляции, сохранявшаяся пассивность и отсутствие возможностей прямого участия в решении более важных дел в конечном счете не обеспечило полной интеграции – независимо от того, было ли подчиненное сельское население в известной мере приобщено к единой культуре, как в Италии, или оставалось резко дифференцированным, как чехи и немцы в Богемии или малайцы и китайцы в Малайе» [Дойч, 2000, с. 64]. Тем не менее, повторимся, язык служил необходимым, но, безусловно, недостаточным условием для формирования национального сознания. Поэтому вопрос о становлении национальных языков является одним из ключевых в понимании формирования национального сознания европейских народов.

Основная часть

Необходимо отметить, что вопрос о национальном языке всегда сочетался с вопросом о «мифе национального государства», общем представлении «о том, что мир естественным образом состоит из национальных государств, - связан с предположением, что национальные языки представляют собой изначальную данность» [Джозеф, 2005, с. 9]. Однако «любой национальный язык представляет собой культурную конструкцию» [Джозеф, 2005, с. 10], что, однако, не препятствовало восприятию языка как чего-то древнего и изначально данного, тем более, если язык был распространен. Более того, именно распространенность языка, его востребованность, определяла его восприятие как древнего и изначально данного.

Ярким примером подобного подхода к языку может служить отношение к французскому языку. Современные лингвисты указывают, что литературный французский язык сложился только к XIII веку. В XI-XII веках литературный французский язык характеризовался диалектностью, а на официальном уровне (в качестве языка государственной службы, религии и науки) использовалась латынь. Однако, к началу XIII века в связи с ростом экономического, политического и культурного значения центральной области Французского королевства Иль-де-Франс, наблюдается все большее признание в качестве эталонного литературного французского языка франсийского диалекта, на котором говорили в этой области. Как указывает известный лингвист К.А. Аллендорф: «Исследование литературных памятников XIII в. приводит к единому решению данного вопроса, а именно, что в XIII в. диалектной основой французского общелитературного языка являются нормы франсийского диалекта, что в свою очередь определило и структуру складывающегося французского национального языка» [Аллендорф, 1959, с. 60].

Но именно в XIII веке в рамках Французского королевства складывается восхищение французским языком. Авторы той поры поют французскому языку дифирамбы, называя его «самым красивым языком в мире», «сладчайшим» и «наиболее приятным для голоса и слуха» и утверждая: «Сладкий французский язык суть самый красивый, изящный и благородный язык в мире. Его больше всех любят, и ему легче всего научиться. Ибо сам Господь сделал его столь сладким для прославления Имени Своего и хвалы. Он сравним только с тем языком, на котором ангелы говорят в раю» [Гринфельд, 2008, с. 97-98]. Однако, распространение французского

языка в качестве официального языка Французского королевства, как указывает американский историк Л. Гринфелд затянулось более, чем на 200 лет, в течение которых ему пришлось выдержать борьбу как с латынью, так и с местными языками (лангедойским, лангедокским, баскским, бретонским и фламандским). Только при короле Франциске I, издавшем специальный указ Виллье-Коттре, французский язык «стал языком всех официальных мероприятий». А еще через столетие при Людовике XIII было декретировано «обязательное использование французского при регистрации крещений, браков и похорон» [Гринфельд, 2008, с. 99]. Тем не менее, «с XIV в. в атмосфере растущего уважения к «родным языкам» он стал объектом пылкой любви ученых и литераторов – людей, которые создавали символы коллективной идентичности. В результате язык стал центральным символом французской идентичности, и в конце концов объективной характеристикой французского этноса» [Гринфельд, 2008, с. 99]. Это не означает, что французский язык был понятен каждому жителю Франции. Ко времени Великой Французской революции «правильно» по-французски говорили только 12-13% населения страны, а могли говорить около 50% французов [Хобсбаум, 2005]. Причину этого раскрывает все та же Л. Гринфелд, акцентирующая внимание на том, что для языковых патриотов множественность языков была скорее фактором гордости, чем сожаления. Так, они наоборот надсмехались над Англией, где был лишь один язык. Но именно свой язык считали превосходящим иные европейские языки (прежде всего английский и немецкий) из-за чистоты и оригинальности, что подтверждалось тем фактом, что французский, в отличие от иных языков не испытал чужеродного влияния.

Чуть иная точка зрения на многоязычие проводилась в жизнь испанским автором Хуаном де Вальдесом в его работе «Диалог о языке» (1535-1536 годы), сделавший упор на чистоту языка, а также отрицание принципа языкового многообразия как чего-то позитивного. С точки зрения де Вальдеса языковое многообразие – признак отсутствия политического единства и наличия автономных территорий, что не может позитивно сказаться на могуществе державы. В языковом многообразии Испании де Вальдес отдавал приоритет кастильскому языку как, во-первых, языку, который в большей степени связан с испанскостью, менее затронут чужеродными влияниями (это отличало его от каталанского и валенсийского), а во-вторых, в связи с тем, что он более близок к первооснове испанского языка кастильский язык более понятен большинству испанцев в отличие от иных, более «искаженных» языков (это отличало его от баскского и португальского).

Вообще следует отметить, что одержимость поиском изначального языка, лежащего в основе национального сознания, была характерна для Ренессанса и раннего Нового времени. Еще знаменитый Данте в трактате «О народном красноречии» [Данте, 1968] (ок. 1306 года) обратился к вопросу открытия национального языка, который был бы понятен любому жителю Апеннинского полуострова. Исследуя многочисленные итальянские диалекты, Данте приходит к выводу, что ни один из них не может служить иллюстрацией того народного языка, который должен заменить собой латынь, но в каждом из этих диалектов содержится что-то, что может быть положено в основу общенародного языка. Это нечто, что не изменилось в течение всего исторического развития, который претерпели города и области Италии. «История – это то, что уничтожило общий итальянский язык, и *volgare illustre* обнаруживается именно благодаря избавлению от того, что история прибавила к каждому местному диалекту, как от чего-то наносного» [Джозеф, 2005, с. 12].

Похожие идеи можно обнаружить и у немецких мыслителей. В частности, в 1663 году был издан труд «Обстоятельная работа о коренном немецком языке» Юстуса Георга Шобеллиуса, в

которой автор превозносил немецкий народ, как не только имеющий самых богатых добродетелями героев и наибольшее количество образованных людей, но и как обладателя самого великолепного, богатого и чистого языка. Причем именно последнее определяло величие немцев по сравнению с окружавшими их народами, а также способность немцев к политическому сопротивлению тому давлению, которые указанные народы оказывали на немцев (прежде всего, политическому давлению французов). Связь между языком и силой государства нашла свое выражение в теории немецкого философа Лейбница о параллелизме состояния языка и силы народа: «Обычно нация и язык расцветают одновременно, что сила греков и римлян достигла высшей точки, когда у первых был Демосфен, у вторых – Цицерон, и что нынешний стиль письма, принятый во Франции, - почти цicerоновский, потому что и нация эта в делах войны и мира так неожиданно и почти невероятно выдвигается вперед. Я не думаю, что это произошло случайно. Скорее я полагаю, что как есть связь между луной и морем, так существует она между ростом и убыванием народов и языков» [Вернер, Гшницер, Козелек, Шёнеман, 2016, с. 552].

Свое законченное выражение указанная связь нашла в философии языка немецкого философа И.Г. Фихте, которую он изложил в работе «Речи к немецкой нации». Отталкиваясь от идей И.Г. Гердера и И.Г. Гамана, И.Г. Фихте выстраивает конструкцию, в которой непротиворечиво связывает особый статус «немецкого языка» и особую историческую судьбу немецкого народа. Так, с точки зрения И.Г. Фихте, тот факт, что немцы остались в местах изначального происхождения народа в значительной степени предопределил чистоту немецкого языка, его изначальность. В то время как переселившиеся народы [в которых очевидным образом усматриваются французы – К.А.] приняли чужие языки. «Изменение языка значительнее, и, как я считаю, оно ведет к совершенной противоположности немцев и других народов германского происхождения; при этом я сразу хочу подчеркнуть, что речь идет не об особенностях того языка, который был сохранен одним племенем, и не об особенностях того, который был принят другими, но лишь о том, что первое сохранило собственный, второе приняло чужой; речь идет не о происхождении тех, кто продолжал говорить на первоначальном языке, а о том, что на этом языке не переставали говорить, при том что в гораздо большей степени язык образует людей, чем люди образуют язык» [Фихте, 2009, с. 112].

Связь судьбы языка и судьбы народа, который говорит на этом языке, радикализируется И.Г. Фихте через разработку тезиса о собственном и чужом языке, живом и мертвом языке, а также живых и мертвых народов. Здесь Фихте использует концепцию своего старшего современника Гердера о возрастах языка. Как известно Гердер в рамках своей исторической концепции происхождения языка выделял несколько фаз развития языка: поэтическую (или младенческую фазу существования языка), в рамках которой язык, в силу своего несовершенства, опирался на чувственные ощущения народа; прозаическую, когда язык теряет свою красоту и становится языком рассудка; философскую (фаза зрелости), когда язык становится языком разума, «орудием разума в его чувственном освоении мира» [Лобанова, 2014, с. 49]. Результатом развития языка становится единство языка и разума, выражающаяся в картине мира. И здесь Гердер делает шаг от человека к нации. Поскольку картина мира отдельного человека, выраженная в словах того языка, на котором говорит человек, одновременно является «знаками предметов и мыслей народа о мире со всем их своеобразием» [Лобанова, 2014, с. 49]. Соответственно, «каждая нация, имеет свои собственные хранилища таких знаков, ставших мыслями, – это ее национальный язык: хранилище, которое она пополняла в ходе столетий, которое переживало периоды роста и убывания, как лунный свет, которое знало больше

революций и перемен, чем королевские сокровища в руках разномастных преемников; хранилище, которое обогащалось, конечно, путем грабежа соседей и добычи, но таким, как оно есть, принадлежащее все же собственно нации, которая им владеет и может одна лишь использовать его, – сокровище мыслей народа в целом. Все, что присуще этому национальному достоянию: происхождение, история и подлинный характер этого своеобразия; особенное по части скудости и избытка; достопримечательное в образах красоты и уродства; монеты хорошей или дурной чеканки; образцы, достойные обозрения своей редкостью или внутренней ценностью, или историей; странности на удобных и неудобных местах; фигуры с чрезвычайной легкостью или особой превратностью положений и еще сотня неслыханных вещей могли бы рассказать нам об этом хранилище мыслей народа, которые каждый уроженец языка усваивал, жадно вслушиваясь в него. Занять место такого исследователя языка, конечно, едва ли может один ученый, поскольку здесь нужен человек о трех головах, соединяющий в себе и философию, и историю, и филологию, который чужаком ходил бы среди народов и наций и учил бы чужие наречия и языки, чтобы умно говорить о своем, который, однако, как полный безумец, сводил бы все к своему языку, чтобы оставаться сыном своего народа» [Herder, 1985, с. 370].

Фихте рассуждает так. Если для чувственной части языка принятие народом чужого языка вместо своего не оказывает существенного влияния, то для созерцательной части, то есть для фазы зрелости языка, принятие чужого языка имеет принципиальное значение: «Для первых его обладателей он, правда, образуется вышеописанным образом; но для позднейших его завоевателей символ сравнивается с созерцанием, которое они либо давно уже оставили позади, либо на тот момент вообще не имели, а может быть, даже и не могли иметь. Самое большее, что они могут при этом сделать, это получить объяснение символа и его духовного значения, посредством чего они получают плоскую и мертвую историю чужого образования, но никоим образом не собственное образование и соответственно образы, которые для них и не ясны непосредственно, и не возбуждают жизнь, но должны казаться полностью произвольными, как и чувственная часть языка. Для них теперь, со вступлением голой истории как просветительницы, язык во всем круге своей символики мертв, завершен, а его постоянное течение дальше прервано; и хотя они могут продолжать живо развивать этот язык на свой манер, исходя из этого круга и насколько это возможно с этого исходного пункта, но первая составная часть остается все же перегородкой, которая совершенно разделяет первоначало языка как естественной силы из жизни и возвращение действующего языка в жизнь. Такой язык, хотя на поверхности и может приводиться в движение ветром жизни и потому казаться живым, но в глубине его — мертвая составляющая: он, получая новый круг созерцаний и теряя старый, лишается живых корней» [Фихте, 2009, с. 118-120].

Соответствующим образом, при сравнении с французами, которые происходили от германского племени франков, немцы оказываются в выигрышном положении. Их язык, в отличие от языка французов, оставался живым, а следовательно, и немцы – живой народ, народ, у которого отсутствует стена между элитой и простонародьем, и первая не рассматривает второй исключительно как орудие своих помыслов. Отсюда Фихте делал вывод о значимости языка для более великого будущего немцев, по сравнению с французами.

Процесс формирования национального языка сопровождался процессом создания символов и ритуалов, которые должны были утвердить национальное единство перед лицом подобных групп. Во Франции и Германии этот процесс привел к формированию «Французского» и «Германского» мифов, соответственно.

Заключение

Вопрос национального языка тесно связан с концепцией «национального государства». Рассмотрение французского языка показывает, как он, несмотря на долгую борьбу с латынью и диалектами, сформировался как символ французской идентичности, несмотря на фактическое многоязычие в стране. В противовес этому, испанский автор Хуан де Вальдес акцентировал внимание на чистоте языка, рассматривая языковое многообразие как признак политической нестабильности. Идеи Фихте и Гердера подчеркивают неразрывную связь между языком и культурной идентичностью народа. Язык служит не только средством общения, но и важным элементом формирования нации, ее истории и мировоззрения. Таким образом, восприятие языка и его роль в идентичности варьируются в зависимости от контекста и культурной среды.

Библиография

1. Аллендорф К.А. Очерк истории французского языка. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959.
2. Вернер К., Гщницер Ф., Козелек Р. и Шёнеман Б. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х томах. Т. 2. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
3. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008.
4. Данте А. О народном красноречии // Данте А. Малые произведения. М.: Наука, 1968. С. 270-304.
5. Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. №4. С. 4-32.
6. Дойч К. Рост наций // Этнос и политика. М.: Изд-во УРАО, 2000. С. 62-75.
7. Заиченко О.И. «Германский миф»: немецкие интеллектуалы в поисках «общего прошлого» и национальной идентичности // Диалог со временем 54. Специальный выпуск. Национальная идентичности и феномен исторической памяти. М.: ИВИ, 2016. С. 305-335. С. 308.
8. Лобанова Л. П. Языковая картина мира в концепции И. Г. Гердера // Вопросы психолингвистики. 2014. №22. С. 47-55.
9. Фихте И.Г. Речи к немецкой нации. СПб.: Издательство «Наука», 2009.
10. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. №4. С. 33-43.
11. Deutsch K. Nationalism and Social Communication. An Inquiry into the Foundation of Nationality. Cambridge: MIT Press, 1953.
12. Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge: Polity Press, 2008.
13. Herder J.G. Über die neuere deutsche Literatur. Fragmente. Berlin/Weimar: Aufbau-Verlag, 1985.
14. Lawrence P. Nationalism. History and Theory. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2005.

The Role of Language in the Formation of European National Identities

Konstantin V. Arshin

PhD in Philosophical Sciences, Doctoral Candidate,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kosta-10@yandex.ru

Abstract

This article addresses the formation of linguistic identity and cultural constructs, examining how language perception evolves under the influence of historical and cultural factors. The author emphasizes that despite multilingualism, certain languages acquire the status of national symbols, which holds significant scientific value for sociolinguistic and cultural studies. Key aspects include

ideological contrasts in European thinkers' perceptions of languages, as well as the historical context shaping contemporary attitudes toward linguistic identities in Europe.

For citation

Arshin K.V. (2025) Rol' yazyka v formirovanii evropeyskikh natsional'nykh identichnostey [The Role of Language in the Formation of European National Identities]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 14 (6A), pp. 68-75.

Keywords

Language, nation, identity, Europe, Germany, France.

References

1. Allendorf K.A. An essay on the history of the French language. Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1959.
2. Werner K., Gschnitzer F., Kozelek R. and Schoeneman B. People, nation, nationalism, mass // Dictionary of basic historical concepts: Selected articles in 2 volumes. Vol. 2 Moscow: New Literary Review, 2016.
3. Grinfeld L. Nationalism. Five paths to modernity. Moscow: TRANS., 2008.
4. Dante A. On folk eloquence // Dante A. Small works. Moscow: Nauka, 1968. pp. 270-304.
5. Joseph J. Language and national identity // Logos. 2005. No. 4. pp. 4-32.
6. Deutsch K. The growth of nations // Ethnos and Politics. Moscow: URAO Publishing House, 2000. pp. 62-75.
7. Zaichenko O.I. "The German Myth": German intellectuals in search of a "common past" and national identity // Dialogue with Time 54. Special issue. National identity and the phenomenon of historical memory. Moscow: IVI, 2016. pp. 305-335. pp. 308.
8. Lobanova L. P. The linguistic picture of the world in the concept of I. G. Herder // Questions of psycholinguistics. 2014. No. 22. pp. 47-55.
9. Fichte I.G. Speeches to the German nation. St. Petersburg: Nauka Publishing House, 2009.
10. Hobsbawm E. Are all languages equal? Language, culture and national identity // Logos. 2005. No. 4. pp. 33-43.
11. Deutsch K. Nationalism and Social Communication. An Inquiry into the Foundation of Nationality. Cambridge: MIT Press, 1953.
12. Guibernau M. The Identity of Nations. Cambridge: Polity Press, 2008.
13. Herder J.G. Über die neuere deutsche Literatur. Fragmente. Berlin/Weimar: Aufbau-Verlag, 1985.
14. Lawrence P. Nationalism. History and Theory. Edinburgh: Pearson Education Limited, 2005.